

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ХОЗЯИН

ОЛЬГА ДАШКОВА

Ольга Викторовна Дашкова
Хозяин
Серия «Чужие», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68469095

SelfPub; 2024

Аннотация

– Ты – что?– Я беременна.– От кого?– От вас. Долгая пауза, тяжелый взгляд, а потом громкий смех, он режет по нервам. Сдерживаю слезы, кусаю губы. Он не поверит, никогда не поверит. На что я только надеялась?– Думала, я поведу на это?– Нет.– А на что ты рассчитывала? – теперь он кричит, вздрагиваю. – Я всегда предохраняюсь, и тот раз не был исключением. Ты сама отдалась.– Сама, но это правда: я беременна, и это ваш ребенок. Горькая обида, боль разрывает изнутри. Я так отчетливо чувствовала эти эмоции, а еще голос, слова, они убивали и втоптывали в грязь.– Ты жалкая дешевка, которая продала и предала, а теперь опустилась до лжи. Пошла вон!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	55
Глава 10	62
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ольга Дашкова

Хозяин

Глава 1

– Ты куда опять собралась?

– На работу.

– Знаю я твою работу, крутишь там задом, а потом им же деньги и зарабатываешь.

Раздался звон стекла, потом шум, что-то упало, поморщилась, сняла с вешалки ветровку, ведь хотела уйти тихо, чтоб не разбудить отца и не выслушивать оскорбления.

Беру сумочку, в ней только ключи, носовой платок, зеркальце, повязка для волос. Из кармана джинсов достаю паспорт и деньги, всего две сотенные купюры. Даже эти копейки опасно оставлять без присмотра, отец возьмет пропьет – и так уже почти все вынес из дома.

Смотрю на треснутый экран дешевого смартфона, нужно успеть до первого автобуса, если опоздаю, Захир будет ругаться.

– Давай вали, тебе одна дорога, как и матери твоей – шалавы, чтоб она сдохла, тварь такая.

Прикусываю до боли губу, когда он так говорит о маме, хочется встряхнуть его хорошенько, чтоб напряг память и

вспомнил где его жена на самом деле.

Нет, он еще не пьян, он все говорит осознанно, каждое слово – и так изо дня в день уже пять лет. Не стала спорить, и так на душе паршиво, открыла дверь, тихо вышла, щелкнул замок. Под ногами расшатанный пол старой барачной деревянной двухэтажки. Воняет кошками и сыростью.

Пять утра, на улице туман, на траве роса, середина лета, сегодня обещают жару, но ночью шел ливень, и теперь на ухабистой дороге лужи. Городок спит – маленький, провинциальный, как миллионы других, с постоянно озлобленными от нищеты жителями.

До остановки на трассе три километра через лес, так короче и быстрее. Застегиваю ветровку, ускоряя шаг, вдыхаю полной грудью утренний свежий воздух. Не хочу опаздывать, Захир начнет придирааться, Фатима на кухне будет ворчать, а мне нужны деньги, очень нужны.

На разбитой узкой дороге до трассы ям и луж еще больше, стараюсь не промочить единственные кроссовки, когда у меня будут новые – вообще неизвестно.

Отец только и делает, что пьет, нет, он пил всегда, но когда умерла мама, стал совсем невыносимым, и мне сначала показалось, что он тронулся умом. Но потом поняла: ему проще думать, что мать ушла к другому, называть ее шалавой, проклинать, чем принять ее смерть. Как вспомню, как ее хоронили, так дурно становится.

Не успела отскочить в сторону, мимо на большой скоро-

сти пронесся черный огромный внедорожник, окатив меня грязью.

– Черт! Черт! Нет, господи, ну нет!

В груди все оборвалось сначала от страха, потом от горечи и обиды. Посмотрела вслед автомобилю, не смогла разглядеть номера. Отошла в сторону, слезы сами потекли ручьем, обжигая щеки, достала носовой платок, начала вытирать волосы, ветровку, джинсы.

Ну что за люди? Ведь он видел, что идет человек, что лужа. Разве трудно притормозить?

Держалась неделю, не плакала, работала с утра до вечера, а потом еще мыла полы в мотеле, ждала пятнадцатое число, потому что именно сегодня обещали дать зарплату. Часть придется отдать за долги отца, еще заплатить за коммуналку и купить продуктов.

Я, видимо, так и не уеду никогда из этого города, все не получается скопить на первое время проживания и на жилье, а приемная комиссия в музыкальном училище уже начала работу.

Снова посмотрела на дисплей телефона, бросилась бежать, легкие горели огнем, несколько раз оступилась, ноги все-таки промокли. Упала, больно ударилась локтем, чуть не выронила и не разбила телефон, но успела вскочить в уходящий автобус.

Народу в салоне было всего три человека, отдышалась, увидела, что порвала ветровку, снова заплакала. Ведь я не

хочу такой жизни, и мне много не надо, почему тогда судьба так несправедлива?

Всегда была хорошей девочкой, хорошо училась, слушалась, мне девятнадцать лет, а я все еще девственница, парня никогда не было, да и настоящего поцелуя.

Почему все никак не может наладиться, почему беды сыплются градом на мою голову? Хотя судьба меня никогда не любила, в школе дразнили серой пухлой мышью, да, был у меня лишний вес, всегда носила просторную одежду, которая сидела на мне мешком.

Но даже сейчас, немного похудев, не избавилась от этого комплекса и все еще ношу вещи на два размера больше, да и денег нет на новые.

Надо было успокоиться, достала зеркало, вытерла слезы, глаза красные, веки и губы припухли. Главное, чтоб сегодня заплатили, я и пошла работать в то придорожное кафе у заправки из-за того, что там обещали платить больше, чем в городе, в котором и так работы нет никакой.

– Ну наконец-то, где тебя носит? Еще раз опоздаешь, все расскажу Захиру, пусть накажет тебя, иди мой сковородки.

– Извините, всего пять минут.

– Сегодня пять, завтра двадцать пять, за вами, бесстыжими девками, нужен глаз да глаз, наверняка с парнями лизалась всю ночь.

– Нет.

– Мне неинтересны твои возражения, иди работай и пыль

протри в зале.

Фатима бросила в меня фартук, что-то проворчала на своем языке, вытерла мокрые руки о свой халат, отвернулась, словно брезгуя смотреть в мою сторону.

Тучная пожилая женщина с ярким платком на голове и недобрый взглядом с первого дня, как я здесь появилась, невзлюбила меня. А ведь именно я делаю всю грязную работу: ношу тяжелые мешки с углем для мангала и мою грязные полы туалета, кафе и мотеля.

Сняла ветровку, повязала фартук, собрала волосы повязкой, перчатки, конечно, мне никто выдавать не собирался, кожа на руках от воды и химии стала грубой и красной. А ведь когда-то я мечтала, что буду играть на фортепиано в большом красивом зале, но я уже и забыла, когда касалась клавиш.

С кухни запахло жареным луком и жиром, живот скрутило от голода, после того как протерла пыль и приняла первый заказ двух дальнобойщиков, тайком взяла морковку, быстро съела, хоть как-то утолив голод.

– Фатима, где Лиана?

– Я почему знаю, где эта девка? Наверное, прохлаждается где-то, пока старая Фатима работает.

Вздрогнула от знакомого голоса, вышла в зал, начала протирать клеенку на столах. Хоть бы уехал по важным делам или просто ушел. Каждый раз от голоса начальника внутри все скручивается в тугий узел страха и отвращения.

– Вот ты где, моя девочка.

– Здравствуйте, Захир Фаритович.

– Ты, говорят, опоздала?

– Всего на пять минут, автобус ехал долго, я не виновата.

Полный невысокий мужчина смотрит маленькими круглыми глазками, лицо заплыло жиром, кожа блестит, небритый, причмокивает, глядя на меня, полными влажными губами, берет меня за локоть. Хочется вырвать его, отряхнуться, весь его внешний вид вызывает отвращение.

Он тянет меня в коридор, прижимает к стене, запах терпкого парфюма ударяет по рецепторам, отворачиваюсь, но стою на месте, моля о том, чтоб он отошел, отпустил и отстал от меня навсегда.

– Ты ведь знаешь, что я люблю дисциплину, и эти пять минут я вычту из твоей зарплаты.

– Нет, за что? Я не виновата совсем.

– Но ты ведь знаешь, как можно все исправить, и у тебя будет практически все.

Мужчина ловким движением развязывает завязки фартука, тут же запуская руку под футболку, накрывает влажной ладонью грудь, всей своей массой прижимая меня к стене. Чувствую его эрекцию, начинает тошнить.

– Перестаньте... не надо... не надо, пожалуйста... отпустите...

Упираюсь в его плечи, вяло сопротивляюсь, понимая, что ответь я сейчас грубо и оттолкни его, не видать мне денег.

– Какая нежная и упругая грудь у тебя, давай не сопротивляйся, Лиана, ни в чем нуждаться не будешь.

– Пожалуйста... нет... не надо. Захир Фаритович, отпустите, у меня жених есть, так неправильно.

Снова вру ему, но мужчину это никогда не останавливает, он лишь жены своей боится как огня, а Фатима докладывает ей о любом его шаге в сторону.

– Твое сопротивление возбуждает меня еще больше.

Губы мужчины касаются шеи, дергаюсь, ударяюсь головой, сдерживаю стон. Но сквозь эту возню слышу звон колокольчика входной двери, это посетители, сердце отчаянно стучит в груди.

– Захир!

Очень громко.

Голос грубый, требовательный.

Захир испуганно шарахается от меня, но это мужской голос, не его жена. Взгляд хаотично бегает, он, оттолкнув меня в сторону, устремляется в зал. Я благодарна тому человеку, кто сейчас пришел, стало даже любопытно, кто это такой.

Но лучше бы тот человек совсем не появлялся в этом кафе и моей жизни.

Лучше бы мне тогда совсем не приходиться на работу.

Но у судьбы, видимо, свои планы.

Глава 2

Поправила футболку, завязала фартук, брезгливо стерла с шеи слюни Захира, сердце все еще надрывалось в бешеном ритме. Из зала слышались мужские голоса, играла музыка, снова несколько раз прозвенел колокольчик.

Выглянула, пытаюсь найти того гостя, которого так испугался Захир, они были за крайним столиком в углу, смогла увидеть лишь широкие плечи и черную куртку.

– Ты снова стоишь и ничего не делаешь? Снова прохлаждаешься? Совсем стыд потеряла!

Испуганно отшатнулась в сторону, Фатима напугала до полусмерти, дернула меня за локоть, потащила на кухню.

– Отнеси заказ, а потом вернешься, только быстро, и отнесешь угощение для нашего дорого гостя, того, что сейчас с Захиром. Ты все поняла?

– Да поняла я, поняла.

Ну не совсем же я полоумная, чтоб перепутать, и не первый день работаю. Взяв поднос с первым заказом, понесла гостям, но как только переступила порог зала, чуть не споткнулась о кем-то оставленную на полу сумку. Кое-как удержала равновесие, но внутри все сжалось в комок и рухнуло в пятки.

– Ваш заказ.

– Аккуратней надо, девушка, так могли и разбиться, да

еще с горячей едой.

– Все хорошо, спасибо. Ваши приборы, хлеб, если что-то будет нужно, зовите. Приятного аппетита.

Кажется, все слова говорила на автомате, чувствуя чей-то пристальный взгляд, который неприятно сверлил между лопаток. Это Захир, точно он. Господи, он никогда не отстанет от меня, сил уже нет выносить эти домогательства. Но главное, чтоб он сегодня выплатил денег, они очень нужны, вот край как.

– Чего так долго? Ходишь как черепаха, ничего не делая, бери и неси. Да аккуратно смотри.

На абсолютно новом золотистом подносе с красным орнаментом были коньяк, лимон, шоколад, кусок запеченной бараньей ноги, пирог с картофельно-мясной начинкой. Кто вообще будет пить спиртное в такую жару? Ну, кроме моего отца, тот пьет всегда и все.

Кое-как взяв тяжелый поднос, снова вышла в зал, делаю несколько быстрых шагов.

– Я все верну, до последнего рубля верну, вы ведь знаете. Хозяин, Захир, очень вас уважает, вся моя семья каждый вечерпросит Аллаха о вашем здоровье и благополучии.

– Ты обманул меня, и я из-за этого приехал в эту дыру, чтоб провонять жиром в твоей забегаловке и слушать твое нытье.

Низкий мужской голос, в нем скопился гнев, я, на миг отвлекаясь услышанным, забыла, что совсем недавно чуть не

упала, споткнувшись.

Несколько секунд моей бесполезной жизни растянулись в бесконечность позора, стыда и дикого страха.

Я вместе со всем содержимым золоченого подноса падаю на пол, больно ударяясь локтями, графин с коньяком разбивается на мелкие осколки, мясо, лимон, шоколад, пирог – все разлетается в разные стороны. А у меня закладывает уши от звенящей тишины и накатывает ужас от того, что меня ждет за случившееся.

Встаю на колени, начинаю все собирать с пола, не замечаю, как вновь текут слезы, в глазах пелена, слышу лишь крик на чужом языке, приправленный русским матом. А еще взгляды ненависти и презрения, словно к отребью, что недостойно даже собирать остатки еды.

– Ах ты сучка косорукая! Совсем слепая! Дрянь такая! Как тебя еще земля носит, сука паршивая?

Это за моей спиной причитает Фатима, Захир, прибавляя еще несколько бранных слов, подливает масло в огонь. Шмыгаю носом, зажмуриваюсь, а когда вновь открываю глаза и тянусь за осколком стекла, рука замирает, вижу начищенные до блеска туфли, сердце пропускает несколько ударов.

– Извините, я случайно, я сейчас все уберу, извините меня... – Я не слышу свой голос, в ушах звон.

Вытираю рукой слезы, стоя на коленях, смотрю наверх, это Захир, его туфли, его потное и жирное лицо, искаженное

гримасой ненависти.

– Ты, сучка, все отработаешь, все, что разбила сейчас перед моим дорогим гостем.

Быстро смотрю в сторону, на сидящего вполоборота за столиком мужчину, но его силуэт расплывается, не могу разглядеть лица. Лишь чувствую, как он смотрит, и от этого внутри все сжимается, как перед прыжком с тарзанки.

– Простите меня... простите... я... я... сейчас все уберу.

– Пошла вон отсюда, шваль.

Захир цедит слова сквозь зубы, сжимаю в ладони осколок стекла, он обжигающей болью впивается в кожу, чувствую тепло растекающейся крови и горькую обиду. Меня не за что так оскорблять и унижать прилюдно, я не заслужила ни одного слова, да, виновата, что была невнимательна, но...

Мысли путаются, их перекрывает вспышка гнева, но, прикусив язык, сдерживаю себя, чтоб не ответить теми же словами. Мне нужны деньги, сегодня он заплатит за две недели, и я уйду, не могу больше выносить это. Я готова была терпеть вечно недовольную Фатиму, может, даже сальные взгляды Захира, но я ведь человек и хочу к себе отношения не как к скоту.

Из груди вырывается вскрик, не хочу показывать свою слабость, продолжаю собирать то, что осталось от угощения дорогому гостю.

А вот когда я наконец, подняв поднос, встаю на ноги, то еле держусь, потому что встречаю взгляд того мужчины.

Цепкий. Уничтожающий. Властный.

Серые глаза, красивый изгиб густых бровей, ухоженная щетина. Он лысый, очень крупный, широкоплечий, высокий. На нем майка, сверху тонкая черная кожанка, джинсы, крупные пальцы, он перебирает ими изумрудные четки. Фокусирую взгляд на них, чтоб устоять на месте.

– Проси прощения, сучка, у дорогого гостя за то, что ты испортила ему обед. Проси прощение у хозяина.

Захир снова оскорбляет, а я, как покорная овца, делаю это, но совсем не слышу своих слов, лишь шепчу, вяло шевеля губами.

– Не слышно! Ты что, совсем ума лишилась?

– Закрой рот, Захир!

Испуганно вздрагиваю от голоса, низкий тембр, в нем чувствуется власть.

– Я пришел не за тем в твою дыру, чтобы есть непонятно что. Я пришел тебе напомнить лично, кто здесь хозяин и кого ты посмел послушаться и обмануть. Ты ведь понимаешь, о чем я?

– Да, Мурат Русланович, конечно, но это чистое недоразумение, я все верну, я очень уважаю господина Хасанова, это какая-то ошибка.

Стою, боюсь пошевелиться, кажется, что воздух стал густым, он пропитан желчью, ядом, а еще страхом. От Захира смердит, как от трупа, а этот Хасанов упивается этим унижением, как хозяин кафе недавно моим.

– Ошибка – это то, что ты решил действовать, забыв про правила и кому здесь все подчиняется и принадлежит.

– Я помню, я никогда не забывал, это все не так, это Самир, это все он на меня клеветал, это его заправка, он там...

– Меня не волнует, кто и что, чтоб деньги были завтра. Я приеду лично.

Мурат Русланович говорит, а смотрит на меня. Хочется исчезнуть, испариться, а лучше отмотать время назад и опоздать на автобус. Взгляд нехороший, такие, как я, для него никто, пыль под ногами, отребье, которое не стоит взгляда. Мужчина также медленно перебирает крупными пальцами четки, на запястье блестят дорогие часы.

Очнулась лишь тогда, когда звякнул дверной колокольчик, по спине бежал ручьями холодный пот, быстро ушла, не обращая внимания на Захира, который вновь начал орать, не стесняясь других посетителей, словно их и нет.

С грохотом поставив поднос на кухне, побежала на задний двор. Истерика накрывала снова, в груди не хватало воздуха, прошла несколько шагов, прислонилась к прохладной стене, подняла голову. У огромного черного внедорожника у парковки кафе стоял тот мужчина, он разговаривал по телефону, а это тот самый автомобиль, что окатил меня грязью из лужи утром.

Ну конечно, так и должен выглядеть бесчувственный, жестокий человек. Он думает только о себе, считая себя хозяином всего и всех вокруг. А мы лишь слуги его желаний и

прихотей.

Ненавижу таких. Презираю всей душой.

– Лиана! Где эта сучка? Лиана!

Глава 3

Как бы я хотела исчезнуть, нет, даже провалиться сквозь землю, только бы не видеть и не слышать этих людей. В ушах все еще шум в глазах слезы, всхлипываю, стираю их руками, на губах привкус соли и моей обиды. Не могу представить, что сейчас будет, Фатима и Захир начнут размазывать меня вместе с грязью по обшарпанным полу кафе.

Снова унижение, оскорбления, словно я не человек, а какое-то низшее существо. Да, виновата. Да, споткнулась и разбила все содержимое подноса, но я извинилась, я все отработаю.

Сжимаю кулаки, до боли впиваясь в кожу ногтями, надо успокоиться, взять себя в руки, доработать этот день, получить деньги и больше никогда, никогда сюда не возвращаться. Лучше пойду дворником, там все законно: трудовая, отпуск, – или кассиром в супермаркет на развязке, далеко, конечно, но лучше там, чем здесь.

Но от одного воспоминания, что произошло несколько минут назад, сердце замирает и перестает биться. Я, кажется, не слышала, как Захир орал на меня, а физически чувствовала взгляд того мужчины.

Властный.

Уничтожающий.

Стирающий в пыль всех, кто посмеет ему перечить.

– Лиана! Ах, вот ты где, маленькая сучка! Чего прчешься?

– Ничего, просто вышла подышать.

Фатима загородила дверной проем, но вот вскинула голову, начала что-то рассматривать за мной, я повернулась тоже. Тот мужчина еще не уехал, стоял у открытой двери черного внедорожника, рядом был Захир. А тот, склонив голову, практически преклоняясь перед ним, что-то говорил, жестикулируя, а потом, сделав шаг ближе, показал на кафе.

По спине прошел холодок, я напряглась, появилось странное предчувствие беды, словно сейчас решалась моя судьба, вся дальнейшая жизнь. Нет, ее никто не может решать кроме меня.

– Чего расслабилась? А ну, пошла в зал, там пол весь в осколках и лужа. И умойся, смотреть страшно.

Фатима ушла, громко лязгнула металлическая дверь служебного входа. Посмотрела на ладони – все в крови, на коже порезы от стекла, фартук заляпан, и за него тоже попадет. Зашла следом, в треснувшем зеркале маленького служебного туалета наконец увидела свое отражение: по лицу размазана кровь, глаза огромные, испуганные, волосы выбились из-под повязки.

Вода ледяная, пальцы немеют, умываюсь, немного прихожу в себя, но мысли все равно путаются, а еще не покидает страх и предчувствие чего-то нехорошего.

– Куда убежала?

– Никуда. Я умывалась.

Захир хватается за локоть, тянет по коридору на кухню, прижимает к стене, но в голосе нет злобы и ненависти.

– Простите меня за все, что случилось, я правда случайно, я не хотела.

– Конечно же не хотела, вышло случайно, и разбитую посуду с испорченной едой придется отработать.

– Да, я все понимаю. – Сама с ужасом думаю, сколько стоил тот коньяк и посуда для уважаемого и дорогого гостя. Скорее всего, очень дорого, Захир, сколько я здесь работаю, никогда никого так не встречал. И так никого не боялся.

– Вот и умница, девочка, мы с тобой потом поговорим, как ты это сделаешь, а теперь возьми веник, собери осколки с пола, убери со столов.

Киваю, высвобождая свой локоть из влажных ладоней Захира, не нравится мне его голос и этот слащавый взгляд. Но иду в зал, убираю с пола остатки еды, а как только вытираю пролитый алкоголь, звенит дверной звонок, а затем слышатся смех, громкие голоса, а с улицы доносится громкая музыка.

– Фу, блин, Панкратов, ты куда нас привел? Думаешь, после московских ресторанов я буду что-то есть в этой придорожной забегаловке?

– Ой, Дашка, перестань. С каких это пор ты такая брезгливая?

– Можно подумать, по мне заметно, что я так часто бываю

в таких заведениях, Илья, ты как что скажешь – хоть стой, хоть падай.

– Вот и падай за столик, Сема, пойдем пожрем, а потом на речку. Маш, давай садись.

Узнаю эти голоса, они как железом по стеклу, но вот только по моим нервам. И почему сегодня такой поганый день с самого утра? Почему вообще жизнь у меня такая поганая?

– Эй, тут есть кто живой? Человек! Нам нужен хоть какой-то человек!

– А чем так пахнет?

– Это мясо, Зорина, ты, поди, забыла, как оно выглядит, питаешься тремя листиками салата в день? Смотри, медкомиссию не пройдешь, найдут глистов, и не видать тебе практики у ведущих стоматологов.

– Совсем дурак, Панкратов, все мне видать, и ем я мясо.

Зорина обиженно отвечает, представляю, как она сейчас дует свои и без того полные губы, капризно откидывает рыжую прядь волос за плечо. Одноклассница моя «любимая» до боли и слез, точнее, это двое моих бывших одноклассников. Я бы хотела их больше никогда не встречать в своей жизни, но это, увы, это невозможно.

Уношу тряпку, вытираю руки, беру блокнот, закрыв глаза, считаю до десяти, успокаивая нервную систему, мне придется выйти и посмотреть им в глаза. Это моя карма, участь – быть ниже их на десять ступеней. Сжимаю до ломоты в челюстях зубы, несколько шагов, натянутая улыбка.

– Добрый день, что будете заказывать? Есть свежий очень вкусный плов и лагман, также домашний борщ и несколько салатов.

Кафе Захира называется «Караван», вроде как восточная кухня, но тут есть все, меню интернациональное – от пельменей до мамалыги.

– Ого-го, кого я вижу, Устинова, ты теперь официантка?

Панкратов всегда был эмоциональным, смазливому блондину с голубыми глазами, да еще сыну начальника полиции нашего города было позволено всегда и все. А он, естественно, всем этим пользовался.

– Точно Устинова, господи, ты катишься все ниже и глубже в дерьмо. А нет, ниже было мытье уток в доме престарелых. Илья, помнишь, мы еще утку ей подарили на день рождения в девятом классе? Господи, я до сих пор помню, какой стоял в классе смех.

Я помню тоже, мне было четырнадцать, как раз умерла мама, денег не было совсем, меня, несовершеннолетнюю, по знакомству устроили в дом престарелых, он на окраине, у речки. Согласилась на любую работу, чтоб были хоть какие-то деньги, потому что отец начал пить, и казалось, этому не будет конца.

Сжимаю блокнот, не хочу показывать свои слезы и боль. Они такие все красивые, яркие, молодые, уверенные, в дорогих шмотках. Зорина наматывает на палец прядь рыжих волос, рассматривает меня с ног до головы, морщит носик.

– Так ты чего молчишь? Или не рада видеть одноклассников? А давай посидим, устроим что-то типа вечера встреч выпускников, ну чего мы, зря приехали? Непросто же навещать родителей?

– Даш, какая встреча? Ты хочешь вот с такими сидеть и слушать их рассказы, как Коробков сел уже второй раз, Желудева родила третьего не пойми от кого, а Сидоров и Пичугин просто бухают? Или хочешь узнать историю жизни Устиновой? Да я и так тебе ее расскажу.

Беда небольших провинциальных городков одинакова, да, здесь либо пьют, либо воруют, чаще и то и другое вместе. А есть вот такие, как я, что пытаются свести концы с концами. Истории все одинаковые и судьбы одинаковые, имена лишь разные.

Я не хочу и не буду с ними сидеть и вспоминать школу, радости тот период принес мало.

– Так вы будете что-то заказывать?

– Устинова, а ты дерзкая стала. – Панкратов усмехнулся.

Ненавижу его, его и его отца, всех продажных ментов города, мэра и его прихвостней, а также их детей.

Это из-за них дело о смерти мамы закрыли, а судмедэкспертиза написала в заключение, что смерть произошла в результате сердечного приступа. А то, что на ее теле, что нашли у обочины на трассе, было пять ножевых ран, это как бы никто не заметил.

Глава 4

Несколько часов работы прошли в суете, я больше не обращала внимания на слова и издевки бывших одноклассников. Понимая, что если сорвусь, то получу очередной выговор от Фатимы и Захира за то, что плохо обслуживаю и грублю клиентам.

Хотелось стать глухой и немой, чтоб ничего не слышать, а лучше – бесчувственной куклой без любых эмоций. Работа загружала и отвлекала, Панкратов, Зорина и их друзья заказали шашлык, забрали заказ, заплатили, даже оставив чаевые – десять рублей. Все отнесла и положила в кассу, ничего мне от них не нужно.

Потом наехал народ, духота стояла невыносимая, старенький кондиционер не справлялся, а под конец дня совсем заглох. Пришлось открыть все окна, но с дороги летела пыль, а запах топлива с заправки был тошнотворным.

– Лиана, подойди ко мне.

Захир позвал спокойным тоном, но я все равно стала перебирать в памяти, что могла вновь сделать не так за последние часы.

– Да.– Утираю пот со лба, футболка прилипла к спине, но хорошо хоть поела, успев на кухне перехватить нетронутый кем-то салат и котлету.

– Ты завтра выходная, так?

– Да.

– Но если хочешь хорошо заработать, приходи к вечеру.

– Вы о чем?

Захир смотрел маленькими черными глазками. Облизал полные губы, сложил руки на выпирающем животе:

– Тебе не нужны деньги?

– Нужны, но я понимаю, что вам от меня надо, я не проститутка и не с кем трахаться не буду, я не проститутка.

Почему у большинства четкое определение, что все получается и все покупается? И я это не о материальном, я о душе, теле.

– Почему сразу проститутка, ты красивая девушка и можешь немного помочь старику Захиру, а я в долгу не останусь, я все для тебя сделаю и все забуду.

– Что? Помочь? Я не понимаю вас.

Мужчина оказался слишком близко, пахнуло потом и терпким парфюмом. Я снова оказалась прижата к той самой стене коридора. Но сейчас его руки не лапали, а вот взгляд и тон изменился, стал жестче.

– Ты придешь, завтра вечером в мотель и станешь убирать один из номеров, а когда в него зайдет человек, ты сделаешь все, что он попросит. Абсолютно все. И прежде чем ты сейчас начнешь говорить, что ты не такая, и лить слезы, я напомним, сколько ты должна мне.

– Я... я должна?

То ли жара, то ли я на самом деле совсем ничего не пони-

маю, но я ничего никому не должна.

– Да, ты, маленькая сучка, должна мне двадцать тысяч.

– Двадцать? Как? За что?

– За тот коньяк для моего уважаемого гостя, что ты разбила сегодня, это я еще не говорю о том, что ты постоянно таскаешь с кухни еду.

– Это были объедки, они пошли бы на выброс или на корм вашим баранам. Я ничего не воровала, никогда. – Снова слезы, снова душит обида. – Я же сказала, что отработаю за коньяк.

– Да, поэтому я отнял его стоимость из того, что ты заработала за две недели, и всю еду.

– Да какое вы имеете право? Это несправедливо.

Мой голос переходит на шепот, становится нечем дышать, я так рассчитывала на эти деньги, а получается, что ничего не будет, и я еще осталась должна.

Хватка становится сильнее, Захир плотнее прижимается, а мне кажется, этот ужасный день не кончится никогда.

– Я попробую тебя попозже, когда ты станешь более покладистой, не люблю строптивых кобылок, но мне так нужно задобрить одного человека, и ты это сделаешь. Ты будешь послушной, а за это я не только прощу все долги, но и заплачу сверху.

– Нет.

– Нет? А как ты хочешь все отработать? Мыть полы и носить поднос с едой? Думала, Захир такой добрый, и он не

найдет любую девку вроде тебя, которая станет это все делать, а еще будет более благодарной?

– Я не буду ни с кем спать, я не проститутка и не шлюха.

Этот человек не понимает слов, для него все женщины городка низшего сорта, все продаются. Он в чем-то прав, у заправки и кафе таких много, ночные бабочки, торгующие своим телом круглые сутки, за триста рублей такая сделает минет, а за чуть больше что угодно.

– Ты, девочка, подумай, а завтра в шесть приходи. Отработашь долг, получишь свои заработанные деньги, и я ничего отнимать не стану.

Последние слова были сказаны с такой издевкой и уверенностью в том, что я приду.

Значит, цена моего времени, проведенного с неким человеком, которого Захир хочет задобрить и преподнести меня в качестве презента, пятнадцать тысяч рублей.

Цена моей невинности. Моей чести и моральных принципов.

Оттолкнула мужчину, тут же закричала Фатима, за открытыми окнами послышался дикий шум, словно подъехало сразу несколько мотоциклов. Громкие голоса, смех, мат. Байкеры. Хуже озабоченных дальнобойщиков только они.

– Иди работай, до конца смены еще три часа.

Ничего не ответила, сцепив зубы, ушла в зал. Будь он проклят, старый извращенец. Пусть подавится своими деньгами, что-нибудь придумаю, как-нибудь протяну.

Пересчитала спрятанные в кармане фартука чаевые, всего триста семьдесят рублей, в сумочке еще двести, хватит на маршрутку, пачку дешевых сосисок и хлеб. А завтра будет новый день, и я обязательно что-то придумаю.

Отключив голову, просто работала: подавала, убирала, выслушивала отвратительные комплименты. Потом мыла зал, выносила мусор, не заметила, как уже стемнело, а последний автобус уходит в десять. Бросив фартук, забрав сумку и ветровку, даже не попрощавшись с Фатимой, побежала на остановку и не успела.

Впору было разрыдаться снова, но, прикусив губу, запретила себе это делать. Ловить попутку страшно, идти вдоль трассы десять километров еще страшнее.

– Господи, ну почему мне так не везет? Скажи, почему? Зачем ты забрал маму?

Подняв голову к небу, которое после дневного зноя было темно-синим с яркими звездами, не заметила, как по вискам вновь потекли слезы. Надо что-то менять в жизни, само ничего не произойдет. Просто взять и уехать в другой город, найти работу там, пусть и без образования, но есть организации, что предоставляют жилье.

Размышляя, все-таки пошла вдоль дороги, оставаться на остановке смысла нет, а проситься переночевать в кафе или в мотеле мне не позволит гордость после того, что было. Обняв себя руками, ускорила шаг, постоянно шарахаясь в сторону от проезжающих машин.

До поворота на город можно дойти за полтора часа, посмотрела на дисплей телефона – почти одиннадцать, сердце часто забилось, когда с ревом мимо пронесся автомобиль.

Ноги гудели от усталости, хотелось просто сесть, закрыть глаза и заснуть на сутки. Спрятаться, убежать, укрыться от всех, как это было в детстве и школе, не попадаться на глаза, жить в своем мире, в котором я была не одинока, была еще музыка.

Она спасала, давала силы и надежду, она была моей душой. А когда пальцы касались клавиш пианино, я была самой счастливой на земле.

– Эй, крошка! Подвезти?

Снова испуганно вздрогнула, отошла в сторону, обняла себя крепче.

– Нет, спасибо, не стоит. – Мой голос теряется в шуме дороге.

– Устинова, ты, что ли? Ты чего гуляешь по трассе? В проститутки подалась?

Развернулась; черный автомобиль, открытое стекло, парень с короткой стрижкой и тлеющей сигаретой в зубах.

Это был мой сосед Гена. Отчего-то вздохнула с облегчением, но напряжение все равно не отпускало.

– Чалый, ну что там? Грузи девку, и поехали, Серый ждет.

– Да заткнись ты, Жэка. Устинова, ты чего на трассе-то делаешь?

– На автобус опоздала, домой иду.

– Так садись, мы подкинем.

Гена выбросил сигарету, сплюнул, улыбнулся, показывая звериный оскал улыбки. Не знаю отчего, но было сомнение, всего крошечная капля, сделала шаг, потом второй.

Но это ведь сосед Гена, я знаю его с десяти лет, он, конечно, не совсем дружит с законом, но либо мне идти до дома по ночной дороге еще час или два, либо доехать за двадцать минут, предложение заманчивое.

– Давай прыгай, Лианка, ну чего ты жмешься, не нервируй Жирного. Да не трону я тебя, не ссы, а то могут и тебя утром найти в кустах, как мать.

Глава 5

Закрыла входную дверь, прижалась к ней спиной, дыхание рваное, в груди горит огнем. В квартире темно, лишь из родительской спальни пробивается тусклый свет, отец точно уже пьяный и спит.

Напряглась, прислушалась, что там за дверью – тихо.

Зачем только вообще села в машину к Чалому и его другу? Думала, что меня сегодня уже ничем не напугать, а оказалось, что еще можно. Вот так завезут на какую-нибудь заброшенную дачу или заимку в лесу, здесь их полно, а там пятнадцать мужиков, пустят по кругу и закопают потом в лещочке.

Страшная судьба.

Слова Геннадия резанули по больному, мою маму действительно нашли совершенно случайно на пятый день после пропажи. Грибник заблудился, пошел на шум трассы и наткнулся на тело. Но полиция даже спустя пять дней не хотела принимать заявление о пропаже.

Надо перестать об этом думать, жить настоящим и будущим и из этого города надо уезжать завтра же утром, нет, уже сегодня. Гена оказался не лучше Захира, он всегда приставал, это началось сразу после того, как мне исполнилось пятнадцать, а до этого был нормальным парнем, давал покататься на велосипеде, угощал конфетами, утешал, когда не

стало мамы.

А потом его словно подменили, пропал на год, соседи говорят, что за кражу Гену посадили в колонию для малолетних. А вернулся уже не мой добрый сосед, а совершенно другой человек – с пошлыми шутками, плохой компанией.

Этот город ломает всех.

Машина ехала слишком быстро, мотор гудел, я, вцепившись в обивку кресла, смотрела вперед, как фары ярким светом резали темноту. Пахло чем-то кислым и сигаретами, громко играла музыка. А когда через двадцать минут у остановки свернули в лес, сердце, кажется, перестало биться. Я уже не жду от людей ничего хорошего.

Но мы заехали в город, свернули еще два раза и со скрипом тормозов остановились на углу у моего дома.

– Пойдем, Лианка, провожу тебя.

– Нет, спасибо, Ген, я сама, вы же торопились, – проблеяла овцой.

– Да нет, пойдем, Лысый подождет.

Ломая ногти, дергала ручку, но никак не могла открыть дверь, Гена сделал это сам, хватая меня за руку, вытаскивая из салона автомобиля, сразу прижимая к своему худощавому и жилистому телу.

– А ты стала еще красивее, Лианка. Поехали с нами, я чем интересным угощу, тебе понравится.

– Отпусти.

– Похудела, что ли?

Руки парня шарили по бедрам, талии, спине, я упиралась в его грудь кулаками, отворачивалась.

– Отпусти! – крикнула, отталкивая сильнее, но у такого с виду щуплого парня сил оказалось куда больше моих.

– Такая гордая всегда была и нос воротила от меня, стремно, да? Что сидел, стремно? Думаешь, у нас здесь есть нормальные мужики? Твой отец вроде был таким, а вот что стало. Здесь нет и не будет нормальных, им давно сломали всем хребет.

– Гена, нет, отпусти.

Он выворачивал руки, потащил к подъезду, мне бы начать кричать и звать на помощь. Но никто не выйдет и не спасет. Я знаю.

Запах кошек, сырости, сухие ладони по коже, треск рвущейся ткани, я мозгом понимала, что меня сейчас могут изнасиловать здесь, в собственном обшарпанном подъезде. Собрав всю силу, что осталась, сделала рывок, выпад коленом.

Гена стонет, матерится, отпускает, именно тогда вырвалась, перешагивая через две ступеньки, летела на свой второй этаж, ища на ходу ключи в сумочке. И вот сейчас прислушиваюсь, пытаюсь отдышаться. Разувшись, иду в ванную, запинаясь, в стену откатывается пустая бутылка.

Остановилась, заглянула в комнату отца, он спит, опустив руку на пол, включен ночник, вокруг бардак, остатки еды и еще недопитая бутылка водки. Этикетка говорит о ее не дешевой стоимости, а мне в душу в который раз за день закра-

дывается нехорошее предчувствие.

Раздевшись в ванной и аккуратно сложив одежду в таз, чтоб постирать, принимаю душ. Прикрыв глаза, просто стою под теплым потоком воды, мечтая о другой жизни, в голове звучит красивая мелодия. Пальцы сами собой начинают двигаться, имитируя прикосновения к клавишам.

Вздрагиваю от того, что практически начинаю падать от усталости, быстро домываюсь, стираю вещи, живот крутит от голода.

Обернувшись в халат и промокнув волосы, иду на кухню, на часах давно ночь, включаю чайник, где-то должна быть лапша, можно заварить. Холодильник, конечно, пустой, а в шкафу лишь горох и пачка чая. Цепляюсь взглядом за лежащие на углу стола несколько листов бумаги.

Пока закипает вода, и чайник шумит в тишине квартиры, вчитываюсь в черный шрифт на белом фоне. Но в конце второго листа перед глазами все плывет, рука начинает трястись, пальцы слабеют, бумаги падают к ногам.

Это конец.

Конец вообще всему.

Даже конец той нищете, в которой мы живем.

Это кабала.

Быстро поднимаю брошенные листы, текст размывается, зажмуриваюсь, слезы капают на бумагу. Снова все перечитываю, передо мной стандартный кредитный договор на пятьдесят тысяч рублей, под два процента в сутки – и на мое имя!

Но он не из банка, а из микрофинансовой организации «Деньги Сразу», самой кабальной конторы, которая расплодилась по всей области и дает всем подряд кредиты, а у неуплативших в нужный срок отнимают последнее.

Дата оформления кредита – десять дней назад, я точно была на смене в кафе, это было пятое число, не помню, были в сумочке паспорт. За это время накапали проценты, если найти у отца деньги и вернуть проценты, то еще можно избежать трагедии.

Чайник дано закипел, бросилась в комнату отца, будить его бесполезно, он мертвецки пьян. Начала искать по полупустым полкам в шифоньере, в прикроватной сломанной тумбочке, вторую он давно унес и продал за стакан водки. Также нет ни одной фарфоровой статуэтки, что собирала мама, нет штор, ковра, да много чего уже давно нет.

Ничего, лишь пятьсот рублей сотнями и мелочь, но для него и это роскошь. Пришлось шарить по карманам заношенных джинсов и кое-как переворачивать спящее тело хоть худощавого, но тяжелого мужчины.

В кармане нашла сложенный вчетверо листок в клетку. Это была расписка, написанная почерком отца, о том, что он должен некоему Щеглову Павлу Олеговичу сорок тысяч рублей, что он обязуется их вернуть в определенный срок, а внизу размашистая подпись и приписка в виде птички о выплате долга.

Устало села на край кровати, слез уже не было. Сейчас во

мне нет ни одной эмоции, вакуум, пустота, нет даже ненависти и жалости. И денег уже не вернуть, карточный долг, как всегда говорил отец, он святой. Семья, родные, дальнейшая жизнь – это другое, это ничего не стоит.

Я не знаю, как буду это выплачивать – пятьдесят тысяч плюс проценты.

– Папа, как ты мог? За что? Скажи мне, за что?

Устало шепчу, смотрю на того человека, который, вообще-то, мне отец, который должен защищать и оберегать своего ребенка. Я не выплачу такую сумму никогда, я даже не заработаю таких денег – просто негде. Если уеду, подамся в бега, могут найти, никто не отдает свои деньги просто так. Я знаю десяток историй, как выбивали долги, как отбирали квартиры, как находили везде, а если нет, то взыскали все с родственников.

Застыла, смотря в одну точку, даже задержала дыхание.

Захир.

А может, правда, кому нужна моя гордость?

Потерпеть всего немного. Продать свое тело, душа ведь останется при мне и нетронутой. С меня не убудет, это как работа, пусть грязная, но...

Но... придется переступить через себя.

Кому нужна моя гордость?..

Никому.

Глава 6

Стоя у окна, отодвинув штору, до рези в глазах всматриваюсь в парковку у отеля. На улице невероятная жара, но в номере работает кондиционер, шумит, создает хоть какой-то фон. Иначе я сойду с ума, слыша биение собственного сердца.

Я все-таки сделала это.

Сама.

Добровольно.

Пришла, как и просил Захир.

Нет, он не просил, он, как знал, что я приду. Как тут не поверишь в страшное стечение обстоятельств и злодейку судьбу?

Дома поругалась с отцом, как он проснулся. Сама лишь пару раз за остаток ночи проваливалась в пропасть сна. Где меня рвали на куски несколько рук, как в преисподней те, чьи души горят в аду, тянут туда мою.

Я кричала и плакала, трясла перед отцом бумагами, но он лишь сидел, опустив голову, а потом, оттолкнув, ушел, хлопнув дверью. Ему все равно на меня, уже давно.

И его сломал город. Я могу понять, ему тяжело, он, как умеет, глушит и топит боль, но я не приму то, что можно отказать и наплевать на своего ребенка, что бы ни случилось.

Мне больно и тяжело несколько раз, но я живу. Я пыта-

уюсь жить все эти годы совсем одна.

Захир встретил слащавой улыбкой, а меня передернуло от отвращения, но уже к самой себе.

– Я знал, что ты придешь, моя девочка.

– Я пришла, но у меня условие.

– Какое? — Он точно не воспринимает меня всерьез, словно я неразумный ребенок и все мои слова сейчас можно повернуть в свою сторону.

– Шестьдесят тысяч. Наличными и до того, как все случится, я не верю вам, — сказала, сжав кулаки, не отводя взгляда.

Захир присвистнул:

– А не много за один раз? Девки на обочине берут куда меньше.

– Я не девка и не с обочины, и я девственница.

– Мне поверить на слово?

– Да, для справки не было времени. Или тот, кому вы хотите меня подарить, будет ждать несколько дней? Даже не думайте, вам я проверять не дам.

Слишком много во мне было наглости, надо бы сбавить обороты, ведь он может и не согласиться. Я перебирала в голове много способов заработать сразу и много, но оставался лишь один. Ненадежный, отвратительный и постыдный.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Как скажешь, моя девочка, но такой суммы нет даже в

кассе.

– Найдите.

– Конечно же найду, а ты пока иди в отель, седьмой номер, я предупредил администратора.

Все шло слишком гладко, мне бы тогда заподозрить неладное, но голова отказывалась соображать после бессонной ночи. И я все еще думала, что смогу отказаться, что в последний момент, уйду, и наплевать мне будет на долг, на то, что могут отобрать квартиру, на то, что вообще окажемся на улице.

Администратор – женщина за пятьдесят с ярко покрашенными ногтями и губами – посмотрела с долей сочувствия:

– У тебя еще есть время передумать.

Фраза была неожиданной, я ничего не ответила, взяла ключи.

В этом номере я уже была, убиралась, он из всех самый приличный, сюда девочки водят дорогих клиентов, которые покупают всю ночь. Прокуренные стены, запах не перебил даже автоматический ароматизатор, широкая кровать заправлена леопардовым покрывалом, окно зашторено тяжелыми портьерами. На стене часы две картины: водопад и лес, над которым парит коршун. Журнальный столик, пепельница, а в ней упаковка презервативов.

Взгляд зацепился именно на них, желудок скрутило спазмами, на лбу выступила испарина, я бросилась в туалет, вырвало лапшой и сосисками. Потом долго умывалась и чисти-

ла зубы мылом и пальцем, жадно глотая воду из-под крана.

Надо взять себя в руки, это всего лишь секс, там ничего сложного, просто отключить мозг, дать воспользоваться телом. Прекратить уже внутреннюю истерику и перестать ломаться, как малолетка. Только бы не извращенец какой и не садист был, вот об этом я не подумала.

Я все еще не знаю, смогу ли я сделать это. Ведь в моих девичьих мечтах и представлениях первый секс – это нечто значимое, обязательно с любимым человеком. Но у такой девушки, как я, его никогда не было. В пятнадцать лет не стало мамы, и как-то не до симпатий и любви было.

Всматриваюсь через пыльное стекло окна на парковку. Вот подъехала полицейская машина, патрульные частенько ужинают в кафе, бесплатно, естественно. Один худой, а второй толстый, я знаю их, Вован и Димон, но для всех Тимон и Пумба. Тупые, жадные, с пошлыми шутками мужики.

Затем прямо у входа притормозил черный, до блеска отполированный «мерседес», это мэрский. Максим Юрьевич Зорин, отец одноклассницы Дашки Зориной. Вышел только водитель, а я задержала дыхание. Неужели меня хотят подарить мэру?

Как вспомню его мерзкое лицо, эти жидкие рыжие волосы, которые он зачесывает набок, полные, всегда влажные губы и глаза навывкате, так блевать хочется снова. Дашка красивая, она в мать, вот было бы смеху, будь она в отца.

Но водитель вернулся через пять минут, в руках был свер-

ток, «мерседес» медленно вырулил на трассу и уехал, а я выдохнула. На часах, что громко тикали в углу, было уже семь вечера, а в мой номер все еще никто не вошел.

Снова прикатила толпа байкеров, они подняли пыль, истошно сигналили и газовали. Я кусала губы, пытаюсь разглядеть подъезжающие машины, а когда увидела огромный внедорожник, испуганно дернулась в сторону. Прикрыла глаза, глубоко вздохнула несколько раз, вновь посмотрела в окно.

Государственный номер три четверки и три буквы Х, сейчас он не был заляпан грязью, но я чувствовала – это тот самый, что вчера окатил меня водой из лужи. А его владелец уничтожал взглядом презрения в кафе, когда я разбила содержимое подноса.

Нет. Это не может быть он.

Такие, как я, ему не нужны.

Из машины долго никто не выходил, или я просмотрела из-за пыли, поднятой байкерами. Нервы были на пределе, казалось, что любое событие сейчас способно сорвать меня в истерику, надо было выпить водки у отца, но я не переношу алкоголь, становится очень плохо.

Так и стою в застегнутой под самое горло ветровке, жарко, а пальцы ледяные, и по спине бежит холод.

Вздрагиваю, когда слышу щелчок, а потом медленный скрежет поворачивающейся ручки входной двери.

Вот и все.

Можно, конечно, еще убежать со всех ног, забиться в

дальний угол своей комнаты, взять мамину фотографию и долго плакать. А можно продолжать жить, как могу, решать проблемы, как умею, и не сетовать на судьбу, ведь я никогда этого не делала.

Боюсь повернуться.

По ногам идет холодок, пришлось надеть юбку до колен, потому что джинсы не высохли. Вместе с воздухом до меня доносится чуть уловимый аромат мужского парфюма, хочу не дышать, не вдыхать его, но не получается.

Кто бы там ни был, но он не закрывает дверь, снова печет между лопаток, а кисти рук сводит от того, как я крепко, со всей силы вцепилась в шторы.

– Так это ты мой подарок?

Голос низкий, с ноткой презрения.

А как я хотела? Проституток и продажных девок никто не уважает. В горле ком, сглатываю. Это тот голос, того высокого лысого мужчины из кафе, перед которым Захир стоял, заискивая, склонив голову, и кого боялся.

Медленно поворачиваюсь, опустив глаза в пол. Дорогие кроссовки, джинсы, а потом мой взгляд задерживается на изумрудных четках в левой руке мужчины и на крупных пальцах, что не спеша перебирают бусины.

Да, это он.

Мурат Русланович.

Хозяин, как он сам себя называл.

Глава 7

– Смотри в глаза.

Часто дышу через нос. Тяжелая крупная ладонь лежит на шее, но пальцы расслаблены. Если подумать, то ему ничего не стоит просто их сжать и придушить меня. А может, сразу, одним движением переломать хрупкие кости.

– Ты боишься меня?

Мужчина спрашивает. Нет, не грубо. Просто ради интереса, а я, кажется, забыла, как говорить, потому что в горле стоит ком, во рту сухо так, что язык прилип к небу.

– Какой забавный сюрприз, а Захир не без фантазии, решил подложить под меня девчонку. И где он только тебя нашел?

Да, вопрос странный, но тут один небольшой нюанс: я сама нашла его. Решила лечь за деньги под первого встречного.

– Так ты что, девственница?

Я не отвечаю, широко распахиваю глаза.

Он все понимает.

Чувствую, что понимает,

– Интересно, очень интересно.– Сейчас и в голосе нотки иронии. Он даже, наверное, улыбается, но я смотрю куда угодно, только не в глаза.

Не понимаю, почему именно этот мужчина вызывает во мне такой животный, откровенный, чистый страх? С первого

взгляда, еще там, в кафе, с первой встречи.

В те первые секунды, когда я подняла свой взгляд от изумрудных красивых бусин четок и крупных пальцев, что их перебирали на его лицо, меня сковал страх и не отпускает до сих пор.

Зайдя, он сказал, чтобы я разделась, прямо так, стоя на пороге и не закрыв дверь номера. А я думала, что он обращается не ко мне, а к кому-то другому, даже хотела повернуться, до того все происходящее было для меня нереальным.

Наивная, я еще больше тогда вцепилась в ветровку, словно он сейчас подойдет и сорвет ее с меня вместе с кожей.

Мысли путались, я как мантру повторяла про себя слова, что я здесь по собственной воле, что сама, добровольно пошла на все этои нечего теперь трястись. Мне самой это нужно больше, чем ему. Мне нужны деньги. Деньги, только деньги, и пусть моя ненужная девственность принесет пользу.

– Ты меня слышишь? – низкий и требовательный голос.

– Да.

Ответила быстро севшим голосом и начала, не дожидаясь второго приказа, медленно расстегивать куртку. Спустила ее с плеч, отбросила в сторону, на мне футболка, джинсовая юбка и кроссовки, все очень скромное и все на два размера больше.

– Дальше снимай. Я хочу видеть, что меня ждет.

Мама бы сошла с ума. Но ее давно нет, а я привыкла отвечать за свои поступки сама. Отвечаю, иду на все осознанно,

такая самостоятельная, но черт возьми, но очень страшно.

А когда на пол полетела футболка и одновременно с этим хлопнула дверь номера, я вздрогнула, но дрожащими пальцами продолжила расстегивать юбку. На мне лишь спортивный белый топ и обыкновенные трусики, а кожа моментально покрывается мурашками от взгляда мужчины, который скользит по обнаженным плечам.

Шаги медленные, вот мужчина останавливается рядом, а когда юбка падет к ногам, кладет ладонь на грудную клетку. Становится жарко, а позвоночник сковывает холодом.

Я не знаю, что у него на уме, может, он вообще маньяк и сейчас меня отшлепают ремнем, связав на кровати, или просто прикуют наручниками к батарее, изнасиловав во все места, а потом выбросят. Да, я такой вариант не исключаю.

Ну, я все-таки надеялась, что он не такой, потому что его в глазах было больше равнодушия, чем интереса. Кажется, что он просто зашел сюда от скуки, узнать, что может предложить ему Захир за свои косяки и провинность.

– Ты знаешь, кто я?

– Нет. Точнее... я слышала, как вас называл по имени Захир.

В одном белье перед незнакомым человеком неловко, мне приходится высоко задирать голову, чтоб видеть его лицо. Высокий, огромный, моя макушка на уровне его груди.

– Как меня зовут?

– Мурат Русланович.

Пальцы слегка сжимают горло. Некомфортно, хочу отодвинуться, но мне не дают.

– Я – хозяин. Запомни это. И ты будешь делать сегодня все, что я тебе прикажу. А ты – моя вещь.

Часто дышу, адреналин бежит по венам. Я, как маленький котенок рядом с огромным волкодавом, который сейчас одним движением свернет шею. Но хватка слабеет, он проводит подушечками пальцев по шее, скулам, губам.

Не могу выровнять дыхание и успокоить сердце, а оно как сумасшедшее выламывает ребра в груди. Больше всего пугает неизвестность, нет, я морально готова лишиться девственности, но... так много «но».

Тем временем Мурат заправляет мои волосы за ухо, пристально изучает, рассматривает, его палец все еще гладит губы.

– Встань на колени.

Отрывистый приказ, а я готова сама уже на них рухнуть от напряжения. Сейчас он заставит взять его член в рот, я хоть и девственница, но знаю, что такое оральная секс.

Покорно опускаюсь, стараюсь не делать лишних движений. Проходит минута, а он так и стоит, ничего не делая, не отдавая приказов, к которым он, видимо, привык. Такого, как он, точно слушаются с первого слова.

– Сколько тебе пообещал Захир?

– Что? – смотрю вверх.

– Сколько? Впрочем, неважно, мне все равно. Ты мне

неинтересна, он зря потратил деньги.

Это что, значит, он сейчас уйдет? И я останусь ни с чем? А Захир просто высмеет меня, а в худшем случае втопчет в землю. И все мои мучения, все душевные терзания и ломка зря?

– Нет, постойте, – сказала слишком громко, даже сама испугавшись своего голоса.

Быстро снимаю спортивный топ, грудь покрывается мурашками, соски твердеют, тяну руку, но она застывает на месте. Теперь мужчина смотрит иначе, сжимает челюсти, играя желваками на скулах.

Он медленно убирает четки в задний карман джинсов, расстегивая ремень и ширинку, спуская джинсы вниз:

– Ну, давай, останови меня.

Склоняет голову, во взгляде налет презрения и лишь немного любопытства. У него наверняка может быть любая женщина, и бесплатно, а может, даже есть жена и дети. И точно нет недостатка в сексе.

Сглатываю несуществующую слюну, смотрю в пах, не понимая, что делать дальше. Нет, я знаю, что обычно делают в таком случае... но, черт, как же тяжело.

– Надо взять его в рот как можно глубже и сосать. Не томи, у меня нет времени торчать в этой дыре. И не заставляй говорить Захиру, что хреновый подарок.

Тяну руку, касаясь пальцами слегка эрегированного полового органа, как под гипнозом не могу отвести от него

взгляд.

– Я... я не делала этого раньше никогда.

– Сделай сейчас, а если мне понравится, я заплачу тебе лично.

Глава 8

– Лианочка, деточка, помоги, пожалуйста. Господи, думала, руки отвалятся, сил моих нет тащить с самого рынка эти проклятушие сумки.

– Да, тетя Люба, конечно.

– Некому помочь, а ведь двоих детей рожала и мучилась. Так нет у них ни стыда ни совести. Лешка все ковыряется со своей машиной, она денег жрет больше, чем от нее толк, ну хоть пристроен, работает в гараже у мэра нашего, а Оксанка моя в город умотала, чем занимается, один бог знает.

Тетя Люба тяжело дышит, лицо у нее круглое, красное, на лбу испарина. Сарафан прилип к груди, она обмахивается огромным носовым платком, а меня трясет от холода.

– А ты чего такая, случилось что? Отец все пьет, паразит? Вот же скотина, и неймется ему столько лет, ой чует мое сердце, приберет его к себе твоя мамка, ой приберет.

– Так чего все еще не прибрала?

Держу в двух руках тяжелые сумки, так хоть стою на ногах, и меня не качает по сторонам, как пьяную. Да, вопрос странный, мне сейчас не до молчаливого согласия с соседкой.

– Видно, судьба такая, Тимофей нужен на этом свете. Он еще не выполнил свое предназначение. Должен сам понять, что ему о тебе заботиться надо, а не горькую заливать.

– Тетя Люба, вы слишком много смотрите телевизор.

Да, он нужен на этом свете, чтоб портить жизнь своей дочери, взяв кредит на мое имя, и пусть она решает эту проблему сама. Но я, конечно, все это не сказала вслух, лишь сильнее вцепилась в ручки сумок.

Хорошо, что вечером небо затянуло тучами, и сейчас темнее, чем обычно в десять часов вечера, но стоит все такая же духота, как и днем. А я ее совсем не чувствую, все еще в застегнутой под горло ветровке.

Как бы мне хотелось ни о чем не думать и не вспоминать, что было час назад и продолжалось, кажется, целую вечность. Я еще не понимаю, что у меня болит больше – тело или душа, но всю дорогу до дома в душном автобусе я сжимала в руке три пятитысячных купюры, что оставил мне Хасанов.

– Пошли, Лианочка, чего ты застыла? Ты как себя чувствуешь, что-то бледная совсем?

Идем к нашему подъезду, тетя Люба живет на первом этаже, ее муж такой же запойный, как и мой отец, но дядя Володя периодически трезвеет, ходит хмурый несколько дней, а потом опять срывается. Жена орет, что он скотина, он материт ее, все стандартно для нашей местности.

– Нормально все, работу ищу.

– А что кафе? Ой, там такой мерзкий хозяин, да и этот его притон в мотеле, как ни проедешь мимо, так проституток полно.

Вот и я практически стала одной их них.

– Да так, у нас возникли некие разногласия.

– А учиться не пробовала поступать, скоро комиссии приемные откроются, может, в большой город? Чего ты себя здесь с Тимофеем хоронишь, Галина бы хотела, чтоб ты училась.

– Да, мама хотела.

– Господи, горе-то какое, я все еще не верю, что такое с Галечкой могло случиться.

Мы как раз дошли до подъезда, и, поднявшись на несколько ступенек, я поставила сумки у порога соседской квартиры. Она права, можно в этом году попробовать в музыкальное училище, но я несколько лет вообще не прикасалась к клавишам, что я могу им показать?

– Я пойду, тетя Люба.

– Да, деточка, иди, ой, я же что-то хотела сказать, совсем забыла, дура старая, ну ничего, дай бог, вспомню. Вова, открывай, открывай, пьянь такая! Я тебя, суку, сейчас убивать буду, если ты хоть грамм в рот взял, паразит паскудный.

Таких криков и диалогов у нас хватает в каждом доме и на каждом этаже. Но странно, я мало помню, чтоб так вели себя отец или мама. При ней была совсем другая жизнь. Я училась играть на пианино в доме творчества, мама работала в пекарне, от нее всегда пахло выпечкой, корицей и ванилью, а отец водил рейсовый автобус.

Поднялась на свой этаж, медленно повернула ключ в зам-

ке, зашла, машинально закрываясь на все обороты. Полу-
мрак, пахнет чем-то горелым, но кажется, это от меня, внут-
ри все выжжено дотла и пустота.

Разулась, прошла до комнаты отца, его нет, вот и хорошо,
не хочу сейчас никого видеть.

В ванне, заткнув слив, открыла кран, смотрела несколь-
ко минут на то, как течет вода, просто сидя на бортике. Но
потом встала, начала раздеваться, лишь бросив ветровку и
футболку к ногам, посмотрела на свое отражение.

Бледная кожа, на шее и груди синяки, четкие отпечатки
пальцев. Он трогал требовательно, без ласки, изучая мое те-
ло ощупывая. Прикусила сухие искусанные губы, зажав рот
ладонью, сунулась к раковине, глуша всхлип и вой, что вы-
рывался наружу.

Господи, да почему же так больно?

Ведь ничего, в сущности, ужасного не случилось, я жива,
дышу, я дома, и я далеко не нежная особа, воспитанная в
тепличных условиях. Я много что видела и уже с четырнад-
цати лет знаю эту жизнь и ее изнанку. Но сердце рвется на
части, мне словно вывернули душу наизнанку, вытерли ноги
и, даже не отряхнув, бросили в угол.

Сняла остальную одежду, забралась в ванну, от воды идет
пар, а я не могу согреться. Вытираю слезы, опускаюсь на
дно, сквозь толщу воды смотрю на облупившейся потолок,
зажмуриваюсь, снова открываю глаза. До последнего задер-
живаю дыхание, а когда легкие уже начинает печь, выныри-

ваю.

– Возьми его в рот.

– Что?

– Мне повторять каждое слово?

Действовала больше на инстинктах, чисто физически и представляя этот процесс. Провела по члену пальцами, придвинулась ближе, обхватив рукой, сжала, провела несколько раз. Мужчина смотрел сверху вниз, а его половой орган увеличивался в руке, становясь больше. Много растительности, черные волосы с лобка идут дорожкой до самого пупка.

– Ну? – Тихий, но твердый приказ. – Я не люблю ждать.

Если бы это была другая ситуация, иные обстоятельства, мой любимый молодой человек, то, естественно, мое поведение было бы другим.

Коснулась губами, зажмурилась, легкий солоноватый привкус, я проталкиваю его глубже, шире открыв рот, задерживая дыхание. А потом ему надоело ждать, схватив меня за волосы, стал входить слишком резко, до самой гортани, не давая сдвинуться с места.

Он насиловал мой рот, разрывая на части, перекрывая кислород. Член стал огромным, он не мог войти в меня полностью физически, а он все продолжал это делать. Слюна капала с подбородка, я хрипела, издавая булькающие звуки, упиралась в его бедра руками. Но мужчина даже не заметил моего вялого в сравнении с его силой сопротивления.

Мне тогда казалось, что все продолжается вечность, пото-

му что пальцы ломило от боли. А когда он наконец вынул из моего рта член, больно схватив за волосы, заставил посмотреть на себя, я чуть не упала на пол.

– Ты плохая сосалка, знаешь об этом? – Ничего не ответила, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. – Но если ты не обманываешь и это твой первый опыт, то сойдет, у тебя сладкий ротик.

Снова ушла под воду, набрав полные легкие воздуха. Как перестать думать и вспоминать, я не знала. Пальцы на бортике коснулись чего-то твердого, нащупала, это была старая, разборная бритва отца, он брился всегда только такой, покупая новый набор лезвий.

А может, это выход?

И мама наконец «приберет» меня...

Глава 9

Зажимаю пальцами гладкую рукоять бритвы, внутри легкая паника, легким снова не хватает воздуха. Не выдерживаю, поднимаюсь, сажусь на дно ванны, прижимаю колени к груди. Смотрю в одну точку на разовую мыльницу, я выпросила ее у мамы, на ней раньше были цветные морские звезды.

В голове все еще звучит голос того мужчины. Голос человека, который режет своими словами по живому, но я принимаю их, потому что ничего больше не остается. Слова отрывистые, в них больше презрения и раздражения, чем злобы, словно я его чем-то расстроила или разочаровала.

Он бросает на кровать тонкую кожаную куртку, футболку. Я, когда увидела его впервые в кафе, подумала: как он ходит в ней в такую жару? А когда он повернулся и я посмотрела на его обнаженное тело, первым желанием было отползти в дальний угол, закрыть себя руками.

Хасанов был по-настоящему огромным, пугающим. Широкие плечи, на руках буграми мускулы, под кожей играют мышцы. Выпуклые вены опутывают паутиной руки, такие же на мощной шее. Он что-то достает из кармана, рвет упаковку, это презерватив, который он легко раскатывает по члену, а мне кажется, что не налезет и вот-вот порвется.

Я все еще продолжала стоять на коленях, медленно стирая с подбородка слюну, наблюдая, как мужчина раздевает-

ся полностью. Вот он выпрямился, а мой взгляд остановился на его груди.

На ее левой стороне, уходя на предплечье, была татуировка. Летящий над пропастью между двумя пиками гор дракон с расправленными крыльями и агрессивно открытой пастью с клыками.

Что у дракона, что у хозяина был одинаковый взгляд, он пугал, мне бы не смотреть на это, отвести взгляд, чтоб еще больше не накручивать себя, но я не могла этого сделать.

Хасанов возвышался надомной каменной скалой, обнаженный, возбужденный, со стоящим колом огромным членом, сжал несколько раз пальцы в кулаки, на руках заиграли мышцы. А я, прикрывая глаза, пыталась унять сердцебиение, я никогда раньше не видела голого мужчину вот так, в непосредственной близости. Я на коленях, он голый, все понятно, что будет дальше.

Но он не дал мне долго рассматривать себя, один рывок, я лечу на кровать, сильные пальцы рвут белье, треск ткани, вскрик. Рывком притягивает на себя, разводя широко мои бедра.

Я тогда все время ловила себя на мысли, что не надо кричать и сопротивляться, что этому суждено случиться. Рано или поздно я перестану быть девочкой и наконец-то стану женщиной.

И какая кому разница, как и с кем это произойдет? Нужно лишь немного потерпеть, перешагнуть через себя, через

свою ненужную гордость и убеждения. И да, пусть даже так, но заработать на то, чтоб не выплачивать долг и проценты и жить более-менее спокойно.

Этот мужчина не самый худший вариант, ведь на его месте мог быть совершенно другой, даже мой сосед Гена. Который пугал и смотрел стеклянными глазами маньяка, который перед этим накачал бы меня наркотиками. Или здесь мог быть какой-нибудь знакомый Захира, такой же жирный, мерзкий, говорящий грубости на чужом языке.

Он плюет на свои пальцы, а потом по-хозяйски проводит ими по половым губам, дергаюсь, меня только притягивают ближе.

– Сейчас мы проверим, насколько ты целка. Если это так, то лучше не дергаться.

– Я...

Не успеваю ничего сказать, он входит в меня – резко, раздирая на части, кричу, голос срывается на хрип. Боль пронзает тело, а мне кажется, что меня режут на куски.

Толчок, еще один, глубоко, болезненно. Между ног становится влажно и тепло, по вискам бегут слезы, я кусаю губу, пытаюсь отстраниться, но толчки продолжаются. Мужчина лишь на миг останавливается, я пытаюсь дышать, но потом он снова продолжает входить в меня.

Я не помню, сколько времени это все продолжалось, голос осип, я выбилась из сил, но он двигался уже медленно, руки мужчины трогали грудь, живот, поднимали мои ноги

выше. Он встал на кровать коленями, а я через пелену слез видела не его лицо, а пасть дракона, которая пожирала меня живьем.

В какой-то момент он начал двигаться резче, боль растекалась по телу, стала частью меня, я стала к ней привыкать. А когда мужчина застыл на месте, по его телу прошла судорога, утробно прохрипел, я поняла, что он наконец кончил.

Вода в ванне давно остыла, а я все еще вспоминаю, что было, и держу в руках бритву. Покрутила ее в пальцах, потрогала лезвие – совсем тупое. И как с таким уходить в мир иной? Одна мука.

Что вообще со мной было? Могу ли я назвать произошедшее насилием? С одной стороны, да, и этому нет оправдания, но...

Но я осознанно пошла на это, и мне заплатили. Я лежала на кровати, повернувшись на бок, когда Хасанов снял презерватив, бросив его на пол. Ушел в ванную, я услышала, как потекла вода, но совсем скоро мужчина вернулся и начал одеваться, повернувшись ко мне спиной.

Когда закончил, повернулся, мои слезы к тому времени уже высохли, я пыталась собрать себя и не показывать эмоций. Сцепив до боли челюсти, смотрела ему в глаза.

– Девственность стоит дорого, она ценнее денег, а ты продалась за копейки. Ты такая же дешевка, как все.

На пол упали три небрежно брошенных купюры, а меня тогда захлестнули новые эмоции. Нет, это была не физиче-

ская боль, не от того, что меня взяли грубо и лишили девственности. Он оказался прав. Я всего лишь дешевка, и мне с этим придется жить.

– Да к черту его! К черту, мать его, суку такую! Катись к чертям, чтоб ты сдох!

Кричу эти слова сейчас, бью руками по воде, выплескивая злость, безысходность, все отчаяние и ненависть к таким хозяевам жизни, которые имеют право судить и вешать ярлыки на всех, кто беднее их.

Не хочу его видеть никогда в своей жизни. Завтра же уеду, и плевать на долги, на отца, я не стану никого жалеть и терпеть. Нет, сначала выбью из Захира то, что он мне должен, а потом уеду.

Быстро выдохлась, сердце снова отбивало чечетку, смертельно заболела голова. Выбралась из ванны, не глядя на себя в зеркало, вытерлась, промокнула волосы, надев халат, зашла на кухню, в аптечке нашла успокоительное. В блистере было всего несколько таблеток, даже нет возможности выпить горсть и заснуть в коме.

Но не успела дойти до своей комнаты, как раздался стук в дверь. Если это отец и он сейчас, зайдя, скажет, что проиграл нашу квартиру в старом бараке в карты, я этому не удивлюсь. Вспоминаю, что деньги и паспорт я спрятала, спрашиваю: «Кто?», но, услышав знакомый голос, открываю:

– Тетя Люба? Что-то случилось?

– Лианочка, деточка. Я же вспомнила, дура старая. Гос-

поди, совсем памяти нет.

Соседка бьет себя в лоб ладонью, смотрю на нее и не могу понять, что ей от меня надо? Что там такое тетя Люба великое вспомнила, что надо было сказать мне именно тогда, когда я выпила три таблетки успокоительного, пытаюсь заснуть?

– Я вас слушаю.

– Тут такое дело, у меня знакомая устроилась в одно место хорошее работать горничной, ну, прислугой в очень богатый дом. Там убрать, на кухне помочь, но место просто сказка: частный дом, огромный, там своя комната.

Смотрю на тетю Любу, а у самой закрываются глаза, напряжение двух последних дней отпускает, хочется спать ужасно.

– И при чем здесь я?

– Так она ногу сломала утром.

– Кто?

– Приятельница моя, она в городе, в больнице лежит. А такое хорошее место пропадает, так вот, я думаю, идти тебе, Лиана, туда надо, от отца отдохнешь, денег заработаешь. Та работа на сезон, до сентября, говорят, потом там что-то изменится.

– Нет, тетя Люба, извините, я уезжаю завтра. Хочу попробовать поступить, сами говорите, мама бы этого хотела.

Меня уже ведет в сторону, язык еле шевелится, я даже суть предложения соседки улавливаю плохо.

– Ты не говори сразу «нет», подумай завтра до обеда, если согласишься, позвони по этому номеру, женщину зовут Луиза Азизовна, скажешь, от Анны Степановны.

– Да, хорошо, спасибо за заботу, тетя Люба.

– Ты только позвони, обязательно позвони, место хорошее, обещают около пятидесяти тысяч в месяц.

– Пятьдесят? Что там за дом такой? Дворец?

Соседка как-то странно смотрит, хочет еще что-то сказать, но потом отводит глаза и быстро уходит.

К черту всех – соседей, дом, мужиков, отца. Хочу спать, а проснуться в другой жизни.

Глава 10

Ночью снова шел дождь.

Судя по лужам, которые сейчас под ногами, очень сильный, но я его даже не слышала. Провалилась в сон после ухода соседки, даже не помню как, стоило лишь голове коснуться подушки.

Снились какие-то кошмары: летящий над пропастью дракон с гигантским размахом крыла, острыми клыками, извергающий из своей огромной пасти струи огня. Его глаза горели так же, он летел прямо на меня, готовый сжечь дотла, чтобы от меня совсем ничего не осталось, кроме горсти пепла.

Проснулась с большим трудом, чувствуя, что в теле болит каждая клеточка и частичка. Между ног саднило, низ живота тянуло, мышцы выворачивало наружу вместе с суставами, голова раскалывалась, глаза были опухшие. Я даже не хотела смотреть на себя в зеркало, но пришлось.

Отец был дома, я надеялась, что за эту ночь он не проиграл нашу квартиру в ветхой деревянной двухэтажке в карты. Он спал – снова пьяный – в своей комнате, вокруг разбросанные вещи, на кухне остатки еды, разбитая посуда и валяющаяся на полу фотография мамы.

Я понимаю, ему больнее, может быть, в несколько раз, и не виню его за это, но на все мои просьбы взять себя в руки он реагирует агрессивно. Или мне, может быть, тоже запить,

утопить боль потери в горькой водке? Надо было делать это раньше. Но на всякий случай проверила его карманы и поставила на пол рядом с ним банку, наполовину заполненную огуречным рассолом.

Сосредоточенно обхожу лужи, думаю о том, как начать разговор с Захиром. Я обязана вытрясти из него те обещанные деньги. Я все сделала так, как он хотел, я была в номере, я была с тем мужчиной.

Не знаю, до какой степени он был доволен или нет, это уже его проблемы, я сделала все так, как надо. Но те слова, что он сказал, бросив купюры на пол, я помню. Он назвал меня дешевкой, продавшей девственность за копейки. Да пусть он и подавится ею.

Вот поэтому Захир обязан заплатить, а затем нужно пойти закрыть долг, аннулировать договор, который повесил на меня отец, выплатить все проценты, еще даже немного останется, как раз те несчастные пятнадцать тысяч. Для начала новой счастливой жизни, но уже не в этом месте.

Оборачиваюсь, по разбитой дороге в мою сторону медленно едет машина. Перепрыгивая через лужи, отхожу дальше, чтоб меня снова не обрызгали. Утром по этому пути немногие идут три километра через лес, а тем более зимой, когда еще темно. Жители городка предпочитают дожидаться рейсовый автобус. А вот я не люблю ездить и ловить на себе жалеющие взгляды горожан. Они еще помнят ту историю с моей мамой, показывают пальцами в мою сторону, а сердобольные

тетки вздыхают и качают головой.

Иду дальше, но черный автомобиль замедляет около меня движение, плавно открывается стекло.

– Здравствуй, Лиана. Ты так выросла, настоящая красавица стала, очень на маму похожа.

Продолжаю смотреть под ноги, бросив быстрый взгляд на мужчину в автомобиле, меня прям воротит от него. Наверное, это будет второй человек в жизни, которого я ненавижу. Нет, скорее все-таки первый, начальник нашего местного РОВД, который так легко пять лет назад закрыл убийство моей матери, переведя его в разряд несчастного случая. Не взяв в расчет протесты четырнадцатилетней девчонки, которой я тогда еще была.

Я даже не хочу с ним здороваться и желать здоровья, потому что он для меня чудовище, такое же, как его сын, тот самый смазливый Панкратов, мой бывший одноклассник, и его свита, которые постоянно меня донимали. А это – Панкратов Макар Андреевич, невысокий лысеющий мужчина, всегда с хитрым взглядом, второй царь и бог после мэра. Ему форма идет так же, как корове седло.

– Лиана, у тебя все хорошо? Садись, подвезу. Ты куда едешь, в город?

Все так же уверенно вышагиваю, не обращая внимания на мужчину, но это тяжело сделать. Может быть, ему надоест и он сам уедет, перестанет задавать вопросы.

– Лиана, посмотри, пожалуйста, на меня, что-то случи-

лось? Ты можешь обратиться ко мне по любому поводу. Всегда помогу, чем смогу. Что, отец все так же пьет? Мы с Галиной учились в одной школе, и твоя судьба мне безразлична.

– Безразлична? Помочь? – Я резко останавливаюсь, а в карманах ветровки сжимаю кулаки, теперь уже смотрю Панкратову-старшему в глаза. – Вы раньше не могли помочь? Когда мою маму убили и бросили на обочине?

– Ее никто не убивал. Это был сердечный приступ.

– Пять ножевых ранений, это сейчас так называется сердечный приступ?

– С чего ты это взяла?

Господи, как же я устала от всего этого! Как я ненавижу таких лицемеров, что сын, что отец – два ублюдка.

– Вы могли это говорить четырнадцатилетней, раздавленной горем девочке и безутешном мужу тогда, но не сейчас и не мне! А я добьюсь правды, клянусь памятью мамы, я ее добьюсь всеми средствами, чтоб дело о ее убийстве открыли и нашли виновных. Нашли и наказали по всей строгости закона, представителем которого вы являетесь.

– А ну, замолчи, дура несчастная! Сама не понимаешь, что несешь, я ведь помочь тебе хочу.

– Помогите себе сами, мне ничего от вас не надо! – Во мне кипит злость, на глаза уже наворачиваются слезы, но они их не увидит.

Панкратов оглядывается по сторонам, выражение его ли-

да меняется, сейчас на меня уже смотрит не добрый дядя, который хочет помочь сиротке, а матерый хищник, который не упустит своего.

– Мне не нужна ваша помощь, катитесь к черту! – выкрикнула, прибавила шаг.

– И не смей даже соваться в это дело, ты была маленькая, и тебе все привиделось. Давай садись, довезу, куда там ты собралась, в кафе Захира? Ты там работаешь, мне сын говорил.

Замедлила шаг, стараясь не выдать своих эмоций, снова посмотрела на мужчину, беря себя в руки, а нутро все сильнее скручивало от боли.

– Спасибо, правда, не стоит, хочу подышать воздухом. Я вообще тетку иду встречать, она из города едет, боюсь, заблудится.

– Что за тетка?

– Так папина сестра двоюродная, она проездом, в Крым летит с Севера, с пересадками у нас.

– Ну ладно. – Мне кажется или он облегченно вздыхает? – И, Лиана, если нужна помощь или поговорить, я всегда готов тебя принять. Может, отца в клинику определить?

– Мы разберемся, вот как раз с теткой.

Вру складно, даже сама этому верю, тетка действительно существует, но ее никак не волнуют проблемы моего отца. Так странно, меня за секунду охватила паника, что вот он сейчас затащит в машину, свернет шею и бросит в лесочке

за все мной сказанные слова.

Стекло закрылось, черный, блестящий на солнце автомобиль рванул с места. Ага, как же, готов ты помочь, упырь конченный. В клинику говорите, Макар Андреевич, в психушку? Знаю такую, была там, работала. Именно там делают из людей овощей – все, как вы любите.

Отошла к высокой сосне, присела на корточки, опустила голову к коленям. Хотелось выть и кричать от догадки, что пронзила сознание. Панкратов знает, он точно знает, кто убил маму, кто с ней сделал все эти зверства, и покрывает.

При его должности и чине это не так трудно, ему заплатили, ой, это и не секрет, что наша власть берет взятки, он не исключение. Откуда у его сына шмотки, байк, место в университете на юридическом факультете? Илья тупой, и все его школьные оценки и баллы – фальшивка.

На фоне этой встречи как-то забылось вчерашнее событие, потеря девственности, огромный и злой Хасанов. Во-круг одни драконы, упыри и крысы, как тут выжить человеку? Но ничего, мамочка, я найду, обязательно найду того, кто отнял тебя у нас.

Глава 11

Не понимаю, откуда во мне такая уверенность, что я сейчас приду к Захиру, и он мне положит на стол шестьдесят тысяч рублей? Он очень хитрый, наглый, изворотливый, а еще жадный. Все его слова по поводу денег, я уверена на девяносто процентов, были блефом. Но я такая глупая, наивная овечка, что повелась в состоянии безысходности и пошла. Но это снова моя проблема, и в этом некого винить.

Посидев еще несколько минут под сосной, встала, отряхнулась, дошла до остановки, долго ждала автобус за рекламным щитом, чтобы больше никого не встретить. Ни соседа, ни Панкратова, ни тем более вчерашнего мужчину, вспоминая его, душа трепетала от какого-то непонятного животного страха. Он тоже может здесь проезжать. Кто знает? Я не хочу второй встречи.

Время шло уже к обеду, когда я подъехала к кафе, самый час пик для забегаловки у дороги, где останавливаются усталые путешественники и дальнобойщики. Да и просто люди, выезжающие из большого города за порцией еды навынос, не знаю, чем она их так привлекает, по мне, так очень жирно, но с голодухи я ела все подряд.

Две огромных фуры, несколько машин на парковке, а еще тот самый черный автомобиль начальника полиции. За рулем сидит шофер, что-то рассматривает в телефоне, улыба-

ется. Странно, зачем Панкратову понадобилось лично приехать? Вроде как вчера его ребята забрали конверт, а там наверняка были деньги, а не фантики от конфет.

Интересно, что вообще происходит здесь? И что на самом деле скрывается за ничем не примечательной вывеской «Караван»? За две недели работы я мало смотрела по сторонам, а следовало бы, если сюда навешиваются мэр и начальник полиции, а еще «хозяин».

Да, точно, Хасанов Мурат Русланович, вот перед кем этот старый татарин трепетал и поджимал хвост. Вот кому хотел угодить, а все завязано на какой-то махинации у заправки, и что некий Самир оклеветал его. Да, я любила читать детективы, практически всегда угадывала, кто был главным злодеем, но время сказок прошло.

Прячусь за синим прицепом, снимаю ветровку, завязав ее рукавами на талии, становится жарко, наблюдаю за машиной Панкратова, сейчас нет смысла туда идти. Ну, хотя можно попробовать через черный ход, и я, опустив голову, быстро иду в ту сторону.

Здесь, кстати, нет камер, как-то раз произошел инцидент, а хозяйка красного «мерседеса» долго орала, что в этой дыре нет ничего, и теперь она не узнает, кто поцарапал ее авто. Есть пара на стоянке, но они выходят на дорогу, на заправщиков, на кафе нет ни одной.

Скрылась за мусорным баком, смертельно воняет помоями, но ничего, можно потерпеть, смотрю на металлическую

дверь. Она открыта, Фатима так делает, когда жарко, подпирает ее кирпичом. Обернулась, как по команде, смотрела лишь на одно окно.

Это отель, именно за тем окном я вчера стояла и наблюдала за парковкой. Такое чувство, что у меня обострились все рецепторы, я наблюдаю за собой со стороны, максимально собрана и сосредоточена, сейчас не время для истерики.

Только хочу сделать шаг вперед, но на улицу выходит щуплый, невысокий парнишка, на нем темный фартук официанта, он тащит в сторону контейнера, за которым я прячусь, огромный перевязанный пакет. Прижимаюсь к металлической стенке, прикрывая рот, потому что если я сейчас начну дышать, то меня стошнит. Парень выбрасывает мусор, идет обратно.

Это Ахмет, мой сменщик. Он совсем не говорит. Все понимает, записывает, но я ни разу от него не слышала ни звука. Идеальный работник, исполнительный, выносливый и молчаливый. Фатима говорила, что его подобрали на улице год назад, кто-то выкинул из машины прямо на обочину, избитого, тощего, а «святой» Захир подобрал.

Но за святые поступки приходится тяжело и долго расплачиваться.

Как только Ахмет зашел внутрь, побежала следом, тут же свернув налево, спряталась за выступом, за которым находится кухня. Теперь пахнет жиром, жареным мясом, специями, совсем близко кричит Фатима, а я дергаюсь от испуга и

неожиданности. Ахмет прошел мимо с огромным подносом, мое сердце как сумасшедшее выламывало ребра, адреналин зашкаливает.

Вытерла ладони о джинсы, выглянула из своего укрытия, медленно пошла в сторону кабинета Захира, там совсем рядом кладовка, в который хранят посуду, инвентарь, бытовую химию. Все еще оглядываясь, потянула дверь на себя, она открылась, странно, что сегодня ее не заперли. Это мне как знак, чтоб я еще больше глупых поступков совершила.

– Он вчера снова приходил.

– Кто?

– А то ты не знаешь «кто»!

Голос Захира резкий и нервный, а у меня такое чувство, что я стою прямо перед ними, до такой степени тонкие стены, что слышен каждый шорох.

– Чего хотел, денег?

– Нет, точнее, да, он решил наказать меня, а еще проучить, как какого-то пацана. Он всегда хочет много денег, а еще безграничной власти, чтобы я подчинялся ему и жил по его правилам. За что я тогда плачу тебе и дружку твоему – мэру, за что спрашивается?

Удар, второй, голос Захира срывается на визг, он всегда, когда нервничает, бьет кулаком по столу, я зажала рот рукой, чтоб самой не издать ни звука.

– Так не надо было связываться с Самиром, ты думал, что Хасанов не узнает? – Голос Панкратова спокойный, его, ка-

жется, не волнуют проблемы Захира.

– Да чтоб его шакалы сожрали до костей, это он пообещал хороший груз, что доставит его в цистернах с топливом, там двойное дно.

– Меня не волнуют твои проблемы, и я не хочу накалять отношения с Хасановым, за ним стоят совсем другие люди, которые сожрут и тебя, и меня! – теперь закричал Макар Андреевич. – Я вообще не за этим приехал.

– Твои люди вчера все забрали.

– Да, я знаю.

– Всем только и нужны от Захира деньги, а как что случись, так все не при делах.

А это было интересно услышать. Я так и застыла с открытым ртом. Вот кто на самом деле хозяин положения, вот кому поклоняется Захир и с кем не хочет связываться начальник полиции.

Хасанов Мурат Русланович.

Это имя теперь выжжено клеймом на сердце.

– Девочка у тебя работает, Лиана.

Напряглась, в кромешной темноте не было ничего видно, но я сделала шаг вперед, что-то упало с полки, но шума не было. Прикусила до боли губу, задержала дыхание.

– А что с девочкой? Нормальная такая, работает.

– Ты трогал ее?

Еще один неожиданный поворот сюжета. Детектив продолжается.

– Нет, конечно нет, зачем старому Захиру ее трогать? У меня жена, дети.

Врет, сука, как же сладко и складно врет.

– Жена, говоришь? Ну-ну. Она сейчас придет в кафе.

– Она выходная. Откуда знаешь?

– Слушай меня и запоминай. —Голос стал жестче, я даже сама напряглась. – Она придет, а ты сделаешь так, чтоб она немного побыла под твоим присмотром.

– Как... как это под присмотром?

– И это не то, что ты подумал, старый извращенец. Най-дешь ей укромное место, в твоем отеле полно такого, угости чем хорошим, чтоб не истерила, я вечером приеду, поговорить мне с ней надо.

– А потом?

– О, вижу, как глаза-то заблестели, понравилась девочка, да? Красивая, вся в мать, та первая красавица в школе была, но гордая до жути, мы с Максом дрались несколько раз из-за нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.